

МОТИВ НАДЕЖДЫ В ПОЭЗИИ «ПАРИЖСКОЙ НОТЫ»

Статья посвящена рассмотрению неочевидного для поэзии представителей «парижской ноты» мотива надежды. Изучение стихотворений Б. Заковича, Ю. Манделъштама, П. Ставрова, Ю. Терапиано, И. Чиннова, А. Штейгера в рамках историко-литературного подхода с подключением мотивного анализа позволяет утверждать, что наряду с развитием мотивно-тематического комплекса отчаяния, бессмыслицы существования, неприкаянности, одним из объединяющих моментов является лирическое балансирование на грани безнадежности и надежды, позволяющее осуществить выход к «последним словам» о человеке и человечности, как той творческой сверхзадаче, которую ставил перед начинающими русскими поэтами-изгнанниками в 1930-е годы вдохновитель «парижской ноты» Г. Адамович. Осуществленный анализ стихотворений позволил выделить несколько типов раскрытия мотивной антиномии надежды и безнадежности в лирике русского Монпарнаса. Во-первых, мотив утраты надежд и утверждение состояния отчаяния как единственной правды о человеке в ситуации эмиграции. Во-вторых, отказ от бесплодных надежд как иллюзий в пользу безнадежности как духовной трезвости и стоической формы приятия жизни как таковой. В-третьих, мотив надежды на обретение надежды из глубин падения в отчаяние как веры в способность человеческого духа прикасаться к бытийственной истине в противовес бессмыслице существования в истории. В-четвертых, парадоксальная связь надежды с памятью о родине как животворном источнике смысла, противостоящем безнадежности изгнаннической доли. В-пятых, утверждение возможности чуда обретения надежды как встречи с Богом и восстановление триединства веры, надежды и любви в единичном духовном опыте личности.

¹ Налегач Наталья Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия.

Ключевые слова: парижская нота, мотив, Г. Адамович, Б. Закович, Ю. Мандельштам, П. Ставров, Ю. Терапиано, Л. Червинская, И. Чиннов, А. Штейгер

Лиризм поэтов «парижской ноты» единодушно определяется в критике и литературоведении как атмосфера безнадежности, тоски, обреченности и т. п. Ю. Иваск отмечал: «Тема смерти господствовала в стихах многих поэтов 30-х гг., и иногда даже казалось, что они кокетничали пессимизмом» [4, 368]. Тем не менее, было бы поспешно сводить их поэзию к этому мотивно-тематическому комплексу. В статье 1958 года, посвященной творчеству Г. Иванова, которого поэты «парижской ноты» воспринимали как своего рода эталон, Г. Адамович обозначил то главное, из чего, по его мнению, и возникает подлинная поэзия в современном мире: «В нашей литературе не было еще стихов, где о крушении всех возможных человеческих надежд было бы рассказано с таким своеобразием и очевидностью, с отказом от всяческих экранов или «снов золотых» <...>. Но откуда же свет? И если бы его не было, могла ли бы эта поэзия не только восхищать и прельщать своим словесным блеском, но и волновать, мучить, обещать, в самой безнадежности таить и внушать надежду – одним словом “царить”?» [1, 333–335].

В лирике самого Адамовича обозначенная коллизия наиболее явно воплощена в стихотворении «Без отдыха дни и недели...», вошедшем в поэтический сборник «На Западе» (1939). Не менее показательны, что для антологии поэзии русского зарубежья Г. Адамович вместе с М. Кантором избирает название «Якорь», символика которого традиционно сочетает мотивы надежды и спасения. Таким образом, согласно авторитетному для русских младопарижан мнению Г. Адамовича, последние слова о человеке и мире рождаются в антиномичном столкновении бытийственного смысла и бессмыслицы существования, надежды и отчаяния, на котором и основывается эффект просветленности, являющийся главным признаком подлинного произведения искусства.

Более того, именно способность вопреки безнадежности искать обретения смысла хотя бы и в пределах одной человеческой судьбы и постулируется в статье Ю. Терапиано «Человек 30-х годов» как то слово, которое дает миру его поколение: «В этом основное различие современного и предшествующих поколений, которые вдохновлялись жертвенностью вовне, и тем самым легко принимали пафос утверждения, героизма и т. п. Современный человек совсем не герой. Это обыкновенный человек на обыкновенной земле,

который, независимо от желания, видит и замечает, вернее, не может не видеть и не замечать, и, не встречая ответа, потеряв способность удовлетворяться полуконкретными, принужден – мужественно или не мужественно, в его положении это безразлично, оставаться связанным со всей тьмой и безысходностью мира. А так как он человек, – потеряв все, он еще с большей остротой чувствует свое человеческое, – он должен пытаться понять, пытаться к чему-то прийти, должен любить, ненавидеть и хотеть счастья» [7, 287]. И поскольку не формальные манеры письма, а мироощущение стало основой поэзии «парижской ноты», представляется целесообразным обратиться к анализу мотива надежды в его антиномичном единстве с атмосферой пессимизма в творчестве выделенных нами авторов.

На первый взгляд, мотив надежды раскрывается в их поэзии во взаимосвязи с мотивом утрат. Например, в стихотворении А. Штейгера «Все писали стихи...» взросление предстает как утрата всех надежд, которые в свете нового восприятия предстают как иллюзии: «И мечтает о звездах, / О любви и стихах, / Пока взрослым не станет / И звезда не рассыплется / В прах» [13, 24]. В его же поэзии, равно как и в стихотворениях Л. Червинской, устойчив мотив утраченной надежды в раскрытии тематики безответной любви («Неужели навеки врозь?», «Не верю, чтобы не было следа...» и др.). Такое негативное развитие мотива надежды не противоречит отмечаемой всеми критиками пессимистической атмосфере как знака принадлежности к «парижской ноте».

Не обязательно мотив утраты надежд связывается со взрослением или неразделенной любовью. Так, в стихотворениях Б. Заковича («Какой судьбы избрали мы дорогу?»), Ю. Терапиано («Я, пожалуй, даже не знаю»), И. Чиннова («Пожалуй, и не надо одобрения...») он в принципе изображен как основной закон человеческого существования, осознаваемый как итог прожитой жизни. В стихотворении Б. Заковича образ жизни, прожитой по воле случая, изображен как процесс истекания смысла:

Какой судьбы избрали мы дорогу?
Да никакой! Старели понемногу,
Работали (иначе не могли),
Порой молились Богу без ответа
И ждали, ждали радости и света,
Любви, каникул, солнечного лета
С Марусей, с Анной, с Верой... и легли
В участок тесный глинистой земли [2, 325].

При этом само постижение бессмыслицы прожитых лет открывается как отказ от судьбы (как формы осмысленного выбора жизненного пути) в пользу повседневной прагматики, которая в ежечасном существовании наполняет человека целями и, как ему кажется, перспективами, но в итоге оказывается пустой. Повседневная суета незаметно для лирического героя лишает его веры, надежды, любви, оставляя лишь умирание. При этом именно надежда, не подкрепленная высотой идеалов, которые являются знаками прикосновения к плану судьбы на уровне личного существования, не позволяет лирическому Я вовремя увидеть подвох опустошающего душу существования. В стихотворении Ю. Терапиано финальное расставание с надеждами изображено более традиционно в связи с мотивом разочарования. Но со стихотворением Б. Заковича его роднит все тот же мотив бездейственных грез, когда духовная активность связывается исключительно с надеждами на то, что всё изменится само собой: «Не сбылись обещанья свободы. / Вечер близок и даль холодна. / Розы, грёзы, закаты, восходы – / Как обрывки какого-то сна» [2, 355]. Учитывая эмигрантский контекст, такое развитие лирического сюжета обусловлено приятием изгнаннической участи в осознании невозможности личного поединка с историей. Возможно, именно такая иллюзорная и опустошающая сторона бесплодных надежд в ситуации бездействия и подводит И. Чиннова к утверждению безнадежности как единственного достойного способа сохранить духовную трезвость и, тем самым, свое «Я»: «Пора не жаловаться, не надеяться / (Судьба шутила, обещая...). / Пора стихам, как дыму, дать развеяться / (Перелистают не читая). / Пора понять, что не на что надеяться» [11, I, 142].

Тем не менее, вопреки отрицанию и развенчанию надежд практически каждый поэт «парижской ноты» обращается и к противоположной разработке заявленного мотива. И если в раскрытии утраты надежд их стихотворения сходны, то в обращении к традиционному комплексу переживаний, обусловленному этим свойством человеческой души, они разнятся. Так, в стихотворении Ю. Терапиано «Снова ночь, бессонница пустая...» оформляется мотив тени надежды как источника света в душе, утратившей способность надеяться: «Если в сердце места нет надежде – / Все-таки и тень ее светла» [2, 351]. В стихотворении П. Ставрова «Все на местах. И ничего не надо...» безнадежности существования противопоставляется надежда на обретение хотя бы мига переживания надежды:

Все на местах. И ничего не надо.
Дождя недавнего прохлада,
Немного стен, немного сада...

Но дрогнет сонная струна
В затишье обморочно-сонном,
Но дрогнет, поплывет – в огромном,
Неутолимом и бездонном...

И хоть бы раз в минуту ту,
Раскрыв глаза, хватая пустоту,
Не позабыть, не растеряться,
Остановить,
И говорить, и задышаться... [2, 347].

Показательна строфика, даже формально подчеркивающая мотив нарастания надежды: каждая строфа больше предыдущей на один стих. Лаконичность трехстишия первой строфы, пронизанной мотивом безнадежности, ассоциативно отсылает к дантовской теме Ада, с которой в стихотворении П. Ставрова соотнесено состояние души лирического Я, оставившего всякие надежды. Однако нарастание количества стихов в каждой последующей строфе вызывает в восприятии символику восхождения, характерную для композиции всей «Божественной комедии» знаменитого итальянского поэта-изгнанника, обретающего в связи с этим значение предтечи всех поэтов-эмигрантов, которое в финальном пятистишии окружает мотив надежды ореолом райского блаженства. Однако на образно-мотивном уровне изображенное строфически восхождение уравновешено мотивом безнадежной мечты. Такое приглушение звучания рассматриваемого мотива не противоречит общему пессимистическому строю «парижской ноты» и в то же время соответствует установке Г. Адамовича на светоносность поэзии.

Оригинально раскрывается мотив надежды в стихотворении Ю. Мандельштама «Ну что мне в том, что ветряная мельница...». Так, в первых двух строфах последовательно изображается приятие лирическим я своей изгнаннической судьбы, чему способствует заявленный мотив отказа от надежд на возвращение: «Я все равно не возвращусь домой» [2, 338]. Тем не менее, в третьей строфе оформляется семантически перевернутый во временном отношении мотив сохранения надежд как знака прошлого, любви к нему как любви к Родине, противопоставляемый настоящему и будущему, отмеченными состоянием безнадежности: «О, я не меньше чувствую

изгнание, / Бездействием не меньше тягочусь, / Храню надежды и воспоминания, / Коплю в душе раскаянье и грусть» [2, 338]. Однако в финальной строфе та же память о родном мире, глубинная связь с ним представлены в образе «смертельно ранящего лезвия», раскрывающем самую суть залетейского существования. Последний мотив хорошо известен по лирике Г. Иванова, у которого он связан не только с переживанием изгнания как формы смерти, но и гибели родного мира, которого и по ту сторону границы больше нет, достаточно вспомнить его стихотворение «Россия счастье. Россия свет». Таким образом, сохранение надежд и воспоминаний в стихотворении Ю. Мандельштама предстает личной, пусть и призрачной формой утверждения бытийственности того, чего больше не существует, и обретение через несуществующее смысла и силы для жизни, ощущаемой в таком неестественном контексте как смертельная рана.

Если у Ю. Мандельштама загробное существование окрашивает собой повседневность, то в поэзии И. Чиннова мотив надежды во всем спектре его развертки (сомнений, утрат, обретений) прочно связывается с раскрытием тематики смерти и образа загробного мира («Я слышал где-то анекдот...», «Снова тот же ветер веет...», «Порой замрет, сожмется сердце...», «Быть может... (Неясные звезды...)» и др.) в их противопоставлении настоящему существованию лирического я, тем самым выступая в едином комплексе с мотивом веры. В отличие от других представителей «парижской ноты», И. Чиннов отказывается от изображения эмигрантской жизни как залетейской, в силу чего мотив надежды получает более классическое звучание в разработке традиционной тематики жизни и смерти.

Мотив обретения надежды как единожды осуществляемого чуда, после переживания которого беспросветность безнадежности обрушится с математической неизбежностью, пронизывает итоговую книгу стихов А. Штейгера « $2 \times 2 = 4$ », будучи заявленным уже в открывающем ее стихотворении «Бывает чудо, но бывает раз...». Несколько иначе столкновение математического расчета и чуда сбывшейся надежды выражено в стихотворении «Будь, что будет, теперь до конца...». В нем мотив осуществившейся надежды опровергает предполагаемую до того беспросветность отчаяния, напротив, он выступает основой для развития еще одного нехарактерного для представителей «парижской ноты» мотива жизнеутверждения, поскольку даже математически выверенная невозможность повторения чуда не отменяет пережитого лирическим героем события обретения смысла, становясь источником подлинной силы жить. Пожалуй, до утверждения надежды, пусть и единично

осуществляющейся и представляющей чудо, из всего этого круга авторов доходит в своей поэзии только А. Штейгер, вновь подтверждая наблюдение своих современников о том, что точнее всех слышал все творческие установки Г. Адамовича.

Парадоксальность обращения к тематике веры, надежды, любви в творчестве А. Штейгера, И. Чиннова, Л. Червинской, Б. Заковича, Ю. Мандельштама и др. проистекает из постулируемого экзистенциального состояния безнадежности, характерного для самоопределения «незамеченного поколения». И если мотивно-тематический комплекс веры зачастую развивается в окружении либо сомнения (А. Штейгер) либо неверия (И. Чиннов, Б. Закович), любви – как основы их поэтических миров, не менее значимой, чем творчество, с надеждой все несколько сложнее. Анализ стихотворений поэтов этого условно обозначенного течения показывает, что одним из глубинных смыслообразующих начал в их творчестве является не отчаяние, а антиномия безнадежности и надежды.

Литература

1. Адамович, Г. В. *Одиночество и свобода* / Г. В. Адамович / Сост., авт. предисл. и примеч. В. Крейд. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
2. «В Россию ветром строчки занесет...»: Поэты «парижской ноты» / Сост., предисл., примеч. В. Крейда. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 375 с.
3. Зобнин, Ю. В. *Поэзия белой эмиграции: «незамеченное поколение»* / Ю. В. Зобнин. – СПб.: СПбГУП, 2010. – 252 с.
4. Иваск, Ю. Юрий Терапиано / Ю. Иваск // *Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова* / Сост. О. Ф. Кузнецова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 367–370.
5. Коростелев, О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции / О. А. Коростелев // *Литературоведческий журнал*. – 2008. – № 22. – С. 3–50.
6. Ратников, К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья / К. В. Ратников. – Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 1998. – 162 с.
7. Терапиано, Ю. *Человек 30-х годов* / Ю. Терапиано // *Русский Париж* / Сост., предисл. и коммент. Т. П. Бушлаковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – С. 285–287.
8. Федякин, С. Р. *Послесловие к «парижской ноте»* / С. Р. Федякин // *Литературоведческий журнал*. – 2008. – № 22. – С. 112–122.

9. Хадынская, А. А. Эмигрантская лира русского Парижа: Поэзия «парижской ноты» в историко-культурном контексте / А. А. Хадынская // Литература в школе. – 2018. – № 8. – С. 13–17.
10. Хадынская, А. А. Лирика Аглаиды Шиманской в контексте поэзии «парижской ноты» / А. А. Хадынская // Libri Magistri. – 2018. – № 6. – С. 62–68.
11. Чиннов, И. В. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1: Стихотворения / И. Чиннов / Сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. О. Кузнецовой. – М.: Согласие, 2000. – 576 с.
12. Чиннов, И. В. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма / И. Чиннов / Сост., подгот. текста, комм. О. Кузнецовой, А. Богословского. – М.: Согласие, 2002. – 352 с.
13. Штейгер, А. С. 2x2=4. Стихи 1926–1939 / А. Штейгер / Библиогр. заметка А. Головиной; предисл. Ю. Иваска. – New York: Russica, 1982. – 96 с.
14. Якорь: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Г. В. Адамович, М. Л. Кантор / Под ред. О. Коростелева, Л. Магаротто, А. Устинова. – СПб.: Алетейя, 2005 – 416 с.

REFERENCES

1. Adamovich, G. V. Odinochestvo i svoboda [Loneliness and freedom] / Sost., avt. predisl. i primech. V. Kreyd. – Moscow: Respublika, 1996. – 447 p.
2. «V Rossiyu vetrom strochki zaneset...»: Poety «parizhskoy noty» [«It will bring lines to Russia with the wind ...»]: Poets of the «Paris Note» / Sost., predisl., primech. V. Kreyda. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2003. – 375 p.
3. Zobnin, Yu. V. Poeziya beloy emigratsii: «nezamechennoye pokoleniye» [Poetry of white emigration: «unnoticed generation»] / Yu. V. Zobnin. – St. Petersburg: SPbGUP, 2010. – 252 p.
4. Ivask, Yu. Yuriy Terapiano [Yuri Terapiano] // Pis'ma zapreshchennykh lyudey. Literatura i zhizn' emigratsii. 1950–1980-ye gody. Po materialam arkhiva I. V. Chinnova [Letters of forbidden people. Literature and the life of emigration. 1950s–1980s. Based on materials from the archive of I.V. Chinnov] / Sost. O. F. Kuznetsova. – Moscow: IMLI RAN, 2003. – Pp. 367–370.
5. Korostelev, O. A. «Parizhskaya nota» i protivostoyaniye molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoy literaturnoy emigratsii [«The Parisian Note» and the confrontation of youth poetry schools of Russian literary emigration] // Literaturovedcheskiy zhurnal [Literary Journal]. – 2008. – № 22. – P. 3–50.

6. Ratnikov, K. V. «Parizhskaya nota» v poezii russkogo zarubezh'ya [«The Paris Note» in the poetry of the Russian diaspora]. – Chelyabinsk: Chelyab. gos. un-t, 1998. – 162 p.
7. Terapiano, YU. Chelovek 30-kh godov [Man of the 30s] // Russkiy Parizh [Russian Paris] / Sost., predisl. i komm. T. P. Buslakovoy. – Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1998. – Pp. 285 – 287.
8. Fedyakin, S. R. Poslesloviye k «parizhskoy note» [Afterword to the «Paris Note»] // Literaturovedcheskiy zhurnal [Literary Journal]. – 2008. – № 22. – Pp. 112–122.
9. Khadynskaya, A. A. Emigrantskaya lira russkogo Parizha: Poeziya «parizhskoy noty» v istoriko-kul'turnom kontekste [The emigre lira of Russian Paris: Poetry of the «Paris note» in the historical and cultural context] // Literatura v shkole [Literature at school]. – 2018. – № 8. – Pp. 13–17.
10. Khadynskaya, A. A. Lirika Aglaidy Shimanskoj v kontekste poezii «parizhskoy noty» [Lyric of Aglaida Szymanska in the context of the poetry of the «Paris note»] // Libri Magistri. – 2018. – № 6. – Pp. 62-68.
11. Chinnov, I. V. Sobraniye sochineniy: v 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya [Collected Works: in 2 vols. T. 1: Poems] / Sost., podgot. teksta, vstup. st., komm. O. Kuznetsovoy. – Moscow: Soglasie, 2000. – 576 p.
12. Chinnov, I. V. Sobraniye sochineniy: V 2 t. T. 2: Stikhotvoreniya 1985–1995. Vospominaniya. Stat'i. Interv'yu. Pis'ma [Collected Works: In 2 vols. T. 2: Poems 1985 - 1995. Memoirs. Articles. Interview. Letters] / Sost., podgot. teksta, komment. O. Kuznetsovoy, A. Bogoslovskogo. – Moscow: Soglasie, 2002. – 352 p.
13. Shteyger, A. S. 2kh2=4. Stikhi 1926 – 1939 [2x2 = 4. Poems 1926 - 1939] / Bibliogr. zametka A. Golovinoj; predisl. Yu. Ivaska. – New York: Russica, 1982. 96 p.
14. Yakor': Antologiya russkoj zarubezhnoj poezii [Anchor: Anthology of Russian foreign poetry] / Sost. G. V. Adamovich, M. L. Kantor / Pod red. O. Korosteleva, L. Magarotto, A. Ustinova. – St. Petersburg: Aleteyya, 2005 – 416 p.

MOTIV OF HOPE IN THE POETRY OF THE «PARIS NOTE»

Natalya V. Nalegach

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Journalism
and Russian Literature of the 20th century,
Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

Abstract

The article is devoted to the consideration of the motive of hope, which is not obvious to the poetry representatives of the "Paris note". A study of the poems of B. Zakovich, Yu. Mandelstam, P. Stavrov, Yu. Terapiano, I. Chinnov, A. Steiger in the framework of the historical and literary approach with the inclusion of motivational analysis allows us to state that along with the development of the motivational-thematic complex of despair, the meaninglessness of existence, restlessness, one of the unifying moments is the lyrical balancing on the verge of hopelessness and hope, which allows reaching the "last words" about man and humanity, as the creative super-task that G. Adamovich, the mastermind "of the Paris music", set before Russian novice exile-poets in the 1930s. The analysis of poems made it possible to identify several types of disclosure of the motivational antinomy of hope and hopelessness in the lyrics of Russian Montparnasse. The first one is the motive for the loss of hope and the establishment of a state of despair as the only truth about a person in a situation of exile. The second one is the rejection of futile hopes as illusions in favor of hopelessness as spiritual sobriety and the stoic form of acceptance of life as such. The third one is the motive of hope for gaining hope from the depths of descent into despair as a belief in the ability of the human spirit to touch existential truth as opposed to the nonsense of existence in history. The fourth one is the paradoxical connection of hope with the memory of the motherland as a life-giving source of meaning, opposing the hopelessness of the exile. The fifth one is the affirmation of the possibility of a miracle of gaining hope as a meeting with God and the restoration of the trinity of faith, hope and love in a single spiritual experience of a person.

Keywords: Paris note, motif, G. Adamovich, B. Zakovich, Yu. Mandelstam, P. Stavrov, Yu. Terapiano, L. Chervinskaya, I. Chinnov, A. Shteiger

Поступила в редакцию 06.10.2019